

Борис Поломошнов

Философия для «Ленивых»

КАМЮ

Предлагаемая Вашему вниманию миниатюра посвящена лауреату Нобелевской премии в области литературы (1957-й г.) Альберу Камю: с акцентом на его работу «Бунтующий человек».

Высказывания гения зачастую по своему смыслу оказываются созвучными с самыми разными состояниями и настроениями разных людей.

Один слышит в них одно, другой — другое, но обязательно — то, что как раз ему и именно сейчас представляется важным, нужным и существенным. Именно с таким феноменом сталкивается каждый чувствующий и мыслящий человек, читая эссе Альбера Камю «Бунтующий человек».

Мы же в своей работе стремились подчеркнуть тот непреходящий философский смысл, что просматривается сквозь вуаль слов текста «Бунтующего человека», и что при этом созвучен с содержанием тех реалий, с которыми именно нам с Вами приходится сталкиваться. Ведь каждая настоящая, то есть, стоящая времени, затрачиваемого на ее прочтение, книга неисчерпаема, как Вселенная.

Борис Поломошнов

Альбер Камю: бунтующий человек

Итак, читаем текст «Бунтующего человека».

Из «Введения»: «Мы живем в эпоху мастерски выполненных преступных замыслов... Раньше злодеяние было одиноким,... а теперь оно столь же универсально, как наука. Еще вчера преследуемое по суду, сегодня преступление стало законом».

Каково?

Что это? Разве это — не про наши сегодняшние реалии написано? А ведь написанному тут уже две трети столетия.

Когда еще, как не сегодня, в таком грандиозном масштабе и в такой запредельно кощунственно-лицемерной форме *право становится волей господствующего клана, возведенной в закон?* Здесь выделенное жирным курсивом — реминисценция на классическое: «право есть воля господствующего класса, возведенная в закон», — поскольку же у нас сейчас нет классов в классическом их понимании, а кланы есть, постольку исходим из того, что есть.

Естественно, что такое положение дел не совсем устраивает тех, кто не входит в состав господствующего клана, и кто не являются лицами, приближенными к нему.

И что тогда?

Тогда — бунт.

«Что же представляет собой «человек бунтующий»? — спрашивает Альбер Камю.

И сам же отвечает: «Это человек, говорящий «нет». Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий «да». Раб, всю жизнь исполнявший господские распоряжения, вдруг считает последнее из них неприемлемым. Каково же содержание его «нет»?»

«Нет» может, например, означать: «слишком долго я терпел»; «до сих пор — так уж и быть, но дальше — хватит»; «вы заходите слишком далеко», — и еще: «есть предел, переступить который я вам не позволю» (глава первая: «Человек бунтующий»).

Иными словами, причиной любого бунта является кризис — как состояние, в котором существующая система угнетения и порабощения полностью исчерпывает ресурс своего самосохранения.

Нет такого кризиса — не будет и бунта.

Но если уж такой кризис есть, то, будьте уверены, бунт обязательно состоится.

В той или иной форме.

С тем или иным результатом.

Но — обязательно.

Будет ли он «бессмысленным и беспощадным» (см.: Пушкин А.С. Пропущенная глава к «Капитанской дочке»), или же он станет проявлением вполне осмысленных и целенаправленных действий по осуществлению принципа справедливости как воздаяния, адекватного содеянному? — вот в чем главный вопрос осуществления всякого бунта.

Стихия или же осознанность?

Хаос или же целенаправленность?

Дикость, варварство и вандализм или же последовательное следование непреложным ценностям?

Вот что пишется об этом в «Бунтующем человеке»: «Вместе с отталкиванием чужеродного в любом бунте сразу происходит полное отождествление человека с определенной стороной его существа. Здесь скрытым образом вступает в силу ценностное суждение, и притом столь основательное, что оно помогает бунтарю выстоять среди опасностей. До сих пор он, по крайней мере, молчал, погружившись в отчаяние, вынужденный терпеть любые условия, даже если считал их глубоко несправедливыми. Поскольку угнетаемый молчит, люди полагают, что он не рассуждает и ничего не хочет, а в некоторых случаях он и вправду ничего уже не желает. Отчаяние, как и абсурд, судит и желает всего вообще и ничего в частности. Его хорошо передает молчание. Но как только угнетаемый заговорит, пусть даже он скажет «нет», это значит, что он желает и судит. Бунтарь делает круговой поворот. Он шел, погоняемый кнутом хозяина. А теперь встает перед ним лицом к лицу. Бунтовщик противопоставляет все, что для него ценно, всему, что таковым не является. Не всякая ценность обуславливает бунт, но всякое бунтарское движение молчаливо предполагает некую ценность».

«Что может быть принято за такую ценность?», — спросите Вы.

Конечно же, что-то возвышенное.

Бунтарь — не воришка, орудующий тайком под покровом ночной темноты, и не мелкий пакостник, учиняющий свое мерзостное действие украдкой и воровато оглядываясь: «Не увидел бы кто».

Бунтарь — наоборот — действует подчеркнуто открыто, демонстративно прилюдно, а значит так, чтобы ему не было стыдно перед своими сотоварищами.